

О сиротке Кен
срочный исс

1984

КОМСОМОЛЕЦ КУБАНИ
г. Краснодар

27 СЕН 1984

Комсомолец Кубани

220X К 80-летию со дня рождения Николая Островского

Всадник скачет вперед

ЭТУ книгу с дружеской надписью «Ванюше Кирюшкину от автора, Н. Островский» я храню как ценнейшую реликвию. Она напоминает мне тот день, когда я впервые переступил порог его комнаты.

Он лежал на кровати под одеялом. Большой лоб, открытые глаза и совсем юношеская улыбка.

— Подойди, пожалуйста, ближе. Дай твою руку, — услышал я мягкий голос.

Рукопожатие порывистое, горячее.

— Будем на «ты». Ведь мы из одного теста: ты — чапаевец, а я — буденновец.

Островский задержал мою руку, сказав при этом, что так лучше чувствует собеседника.

Завязалась оживленная беседа. Он неустанно говорил, задавал вопросы, смеялся. Его лицо, мимика были очень выразительны. Особенно запомнились его слова о годах гражданской войны:

— Мы преодолели неимоверные трудности, потому что были спаяны передовыми идеями, они делали нас сильными.

Он говорил о том, как на молодежь влияла великая сила товарищества. И молодые люди, комсомольцы, и их наставники — большевики старшего поколения — все были настоящими товарищами. Молодежь беспредельно уважала своих руководителей — за ум, бесстрашие, революционность, за их скромность и простоту.

И стало еще более понятным и убедительным высказанное Островским объяснение заглавия романа «Как закалялась сталь»: «Сталь закаляется при большом огне и сильном охлаждении. Тогда она становится крепкой и ничего не боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных испытаниях и училось не падать перед жизнью».

Николай спросил, участвовал ли я в отражении «психической атаки» белогвардейцев, когда чапаевская дивизия громила колчаковцев под Уфой летом 1919 года. Выслушав утвердительный ответ (я был тогда командиром взвода), Островский продолжал:

— Что ты чувствовал тогда? — Только бы не осечка! Одна эта мысль сверлила мозг, — ответил я.

— Осечек, как известно, не произошло ни в патронах, ни

в сердцах чапаевцев, — произнес Островский. — Вот так, дружище, и закалялись бойцы...

Во время одной из бесед на квартире в Сочи Островский передал мне машинописный текст, просил прочитать и, если написанное окажется подходящим, напечатать в «Сочинской правде», которую в то время я редактировал. Это были первые главы книги «Рожденные бурей».

— Одно мое требование обязательно: ничего без моего согласия не исправлять, не улучшать, не сокращать, — заметил Островский. — Я охотно выслушаю любые замечания и предложения и, если нужно будет, сделаю все сам.

Главы нового романа мы читали всей редакцией, делились впечатлениями, по телефону сообщали писателю наше мнение.

Пять глав романа «Рожденные бурей» увидели свет впервые на страницах «Сочинской правды» в апреле — июне 1935 года. Интерес к новому произведению Николая Островского был огромен. У киосков — очереди за газетой. «Сочинскую правду» отдыхающие уносили к себе домой и там передавали ее в редакции местных газет.

У меня сохранился мой блокнот, в котором я вел запись заседания бюро Сочинского горкома партии, состоявшегося на квартире писателя 16 мая 1935 года. Островский выступил с творческим отчетом. Он говорил, в частности, что задача советских писателей — создать образ молодого революционера нашей эпохи. Кто должен быть героем наших книг? Молодежь, которая боролась вместе с отцами за Советскую власть, а теперь строит социализм.

На вопрос о настроении Островский отвечал: «Настроение у меня замечательное. Ведь я имею все возможности для плодотворной творческой работы: ясную голову и много друзей!»

Друзья, озабоченные большой нагрузкой писателя, предлагали ему работать не больше 8 часов в сутки и непременно использовать предостав-

ленный ему отпуск. Островский отказался:

— Я считаю преступлением прожить бездейственно хотя бы один день. Мой рабочий день — десять — двенадцать часов в сутки. Труд — благороднейший исцелитель от всех недугов.

Посещал я Островского и в Москве. Приносил с собой информационные бюллетени ТАСС с наиболее важными материалами, читал ему московские газеты. Особый интерес он проявлял к событиям в Испании, к корреспонденциям Михаила Кольцова о борьбе испанского народа.

В начале 1936 года Островский был поставлен на военный учет. Ему было присвоено звание бригадного комиссара. И вот он в мундире с ромбом. Разрешает мне пригласить из редакции фотокорреспондента. Николай Алексеевич просит устроить так, чтобы он мог сняться в окружении родных и близких. Съемка удалась, и этот кадр я бережно храню.

В годы Великой Отечественной войны книгу «Как закалялась сталь» мне приходилось видеть в окопах и блиндажах, в кубриках военных кораблей и партизанских отрядах. Довелось держать в руках обгоревшие листы ее, поднятые в лагере смерти — Освенциме сразу после того, как наши войска освободили узников.

Жизнь Николая Островского и его книги служат ярким маяком для нашей молодежи. На примере Островского она училась добиваться успехов, когда восстанавливала разрушенное войной народное хозяйство, когда строила Братск и Усть-Илимск, осваивала целинные земли. На БАМе и КамаЗе, на нефтяных промыслах Сургута, на важнейших стройках Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, в районах Нечерноземья самоотверженно трудятся многие тысячи корчагинцев.

Как закон жизни воспринимает сегодня молодежь слова Николая Островского: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе!»

И. КИРЮШКИН.